

ческих элементах крови, о фагоцитозе и т. п.

В краткой брошюре, которая должна знакомить широкий круг читателей с главными, основными причинными моментами появления и распространения эпидемий тифов и методами их предупреждения, следовало бы больше внимания уделить вопросам санитарно-гигиеническим, играющим главную роль в процессе борьбы с эпидемиями.

Изложена брошюра языком вполне ясным и популярным, и с этой стороны она является вполне доступной для широкого круга читателей.

А. Шнейерсон.

Проф. Г. И. МЕЩЕРСКИЙ. Программа для чтений по венерическим болезням.—**В. М. БРОННЕР.** Влияние социальных факторов на рост венерических болезней и роль государства в борьбе с этими болезнями (конспект для чтения).—**И. М. МАЛЫШЕВ** и **В. М. БРОННЕР.** Пояснения к диапозитивам. Гос. Изд. 1921 г. Н. К. З. Венерологическая Секция Отд. Сан. Просв. Серия в помощь лектору.

Каждый день приходится слышать просьбы врачей, инструкторов по санпросвещению и т. п. дать им программу или конспект лекций по венерическим

болезням. До сих пор в центре мы таких программ не имели. Кое-где на периферии, напр., на Зап. фронте, Отделами Санитарного Просвещения подобные попытки делались. Вот почему надо считать крайне своевременным появление в Н. К. З. подобной руководящей брошюры. Хорошо изданная, на 43 страницах, она включает, по нашему мнению, все то, что может пригодиться для лектора, будь то специалист венеролог, или же не специалист. В первой части профессором Г. И. Мещерским мастерски, в сжатом виде, обрисован со всех сторон сифилис, мягкий шанкр и перелой со всеми их последствиями; даны наиболее существенные статистические справки: лектору остается лишь развить по своему желанию и согласно с аудиторией данный материал. Часть, написанная тов. Броннером, есть подход к объяснению венерических болезней с точки зрения социалистического учения. В последней части имеется, составленный д-ром Малышевым, перечень 60 диапозитивов по венерическим болезням с кратким пояснительным текстом, которым лектор может воспользоваться, показывая диапозитивы. Этот текст может быть использован даже, напр., сельским учителем. Надо пожелать скорейшего распространения данной брошюры.

Д-р В. А. Поспелов.

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ.

И. ГЛИВЕНКО. Данте Алигери. Изд. Литмуза. Стр. 32.

Небольшая книжечка проф. И. И. Гливенко (написанная к 600-летию со дня смерти Данте) имеет целью ознакомить нового читателя, о Данте разве только слышавшего, с его жизнью и поэзией, в форме наивозможно более общедоступной. Очерк проф. Гливенко написан, несомненно, достаточно просто и популярно и вполне может выполнить свое назначение элементарной пропедевтики к Данте. Но уж если иметь в виду читателя мало подготовленного, то следовало бы или совершенно не упоминать о ряде фактов

и имен, нуждающихся хотя бы в сжатом пояснении, или, если упоминать, то снабжать их коротеньким комментарием. Читатель, несомненно, спросит, почему Флоренция воевала с аретинцами и пизанцами (6), кто такой друг Данте Кавальканти (8) или Стоций (21), он, конечно, захочет узнать, что это за «рассказ об Уголино» (28), а может-быть, спросит еще, что такое «канцона» (10). Полагаем, что читатель, вероятно, будет недоумевать, почему самоубийцы превращаются именно в деревья (19), следовало хотя бы вкратце уяснить, что адская мука, по Данте, это не что иное, как увековечение психического состояния, в котором пребывает грешник

на земле. И, наконец, недостаточно ознакомить нового читателя с биографией и содержанием творений Данте, необходимо дать ему понять или, по крайней мере, почувствовать, что поэт был сыном своего времени, что его творения—зеркало, отражающее культурную жизнь эпохи. Ведь если Маркс так любил перечитывать Данте, то не только потому, что он был большой художник, но и потому, что творения его, как творения Гомера, Шекспира и Бальзака (других любимцев Маркса), воссоздают целую эпоху, конец средневековья, с его социально-политической борьбой, религиозными сомнениями и исканиями, научно-философскими и художественными достижениями.

В. Фриче.

НЕСТЕР КОТЛЯРЕВСКИЙ. Деятнадцатый век. Отражение его основных мыслей и настроений в условном художественном творчестве на Западе. «Наука и Школа». Петербург, 1921 г.

Главное заблуждение автора этой книги—его уверенность, что вся Западная Европа населена одинаковыми людьми, или, во всяком случае, людьми, которые тождественно мыслят, веруют, чувствуют и рассуждают. Поэтому слово «люди» самое употребительное слово в этой книге.

«Вера в прогресс попрежнему жива в людях»... (269).

«В 30-ые и 40-ые года, когда с таким пафосом люди относились к процессу жизни»... (270).

«Даже в эти годы культа суровой реальности люди гораздо больше верили»... (270).

«...люди издавна условились называть добром и нравственностью» (271) и т. д.

Другое заблуждение автора этой книги—его уверенность в том, что все эти одинаково мыслящие и чувствующие «люди», населяющие Западную Европу, мыслят и чувствуют именно так, как мыслит и чувствует он, автор повествования о XIX веке. Поэтому время от времени он заменяет слово «люди» местоимением «мы». На тех же двух страницах, откуда взяты вышеприведенные заключения о «людях», сообщается, что «мы давно уже привыкли решать нравственные и религиозные во-

просы, как совершенно независимые друг от друга»... «что большие сомнения и опасения обступают нас, когда мы начинаем думать о том нравственном уровне, на каком находится наша современная блестящая культура»..., что «мы не любим теперь таких развязок»... и т. д.

И, наконец, третий, самый главный недостаток этой книги, естественно вытекающий из двух первых,—это то замечательное явление, что любое из утверждений автора можно превратить в противоположное, и оно не станет от того ни менее убедительным, ни менее доказательным. Напр., «в конце XVIII века в образованных людях самых разных мировоззрений, в сентиментальных типах Руссо, рационалистах типа Вольтера, в материалистах и энциклопедистах, была крепка вера в нравственную силу человека... в эпоху революции эта же вера преобразила людей (опять людей. П. К.) в испуганных фанатиков социальной справедливости, устанавливаемой свободной волей человека»... (270). Оказывается, теперь эта вера в человека поколебалась, и «мы» уже теперь не верим в нравственный рост человечества так, как «люди» раньше верили.

Едва ли нужно доказывать, что противоположная мысль, т.-е. утверждение, будто именно теперь «люди» верят в нравственную силу человека, а в конце XVIII века не верили, имеет ровно столько же цены, как и мысль академика Котляревского. Стоит только вспомнить Бомарше или вольтеровского «Кандида», или шиллеровских «Разбойников», а из современных писателей Ибсена,—и всюду вместо «да» с успехом можно будет начертать «нет». Мы уже не упоминаем о «фанатиках социальной справедливости». Вероятно, автор так загляделся на Робеспьера и Дантона, что не заметил ни парижских коммунаров, ни Либкнехта, ни Розы Люксембург.

Столь же убедительны заявления автора, что «гневных обличителей текущей жизни среди нас немного», что в наши дни «художник желает остаться исключительно художником», что «ему дорога одна лишь красота, которая не должна знать никакой морали и для которой высший единственный закон—ее художественное совершенство». Оказывается